

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

3

1958

Зак 49н 100

~~1958~~ *1958н 3-4*

S
НЕ ОБРЕЗАТЬ!

СОВЕТСКАЯ НАУКА

П 35

3982

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Р. А. Будагов, Л. И. Базилевич, Г. Н. Гай, Вал. В. Иванов
(зам. ответственного редактора), *А. Н. Кононов, Б. А. Ларин,*
Т. П. Ломтев (ответственный редактор), *А. И. Метченко,*
П. Г. Пустовойт (зам. ответственного редактора),
Л. Д. Позднеева, Р. М. Самарин, А. Н. Соколов, А. С. Чикобава,
В. Н. Ярцева

Ответственный секретарь редакции *А. В. Степанов*

3

1958

Государственное издательство «Советская наука»
МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

✓ И. И. Мещанинов. Типологические сопоставления и типология систем	3
А. С. Чикобава. Иберийско-кавказские языки и общее языкознание	14
✓ А. М. Дмитриева. О залоговой соотносительности глагольных форм на <i>ся</i> и без <i>ся</i> у глаголов возвратно-среднего залога	23
Л. Н. Попова. Причинные оттенки некоторых предлогов в русском языке	32
✓ Е. В. Гулыга. Структурно-семантическая классификация сложноподчиненных предложений (на материале современного немецкого языка)	43
В. В. Шеворошкин. К проблемам реконструкции (на материале индо-европейских языков)	56
И. А. Ершова. Способы модификации значений глагольных основ в древнеисландском языке	62
П. А. Николаев Г. В. Плеханов и литературное народничество	72
Л. М. Поляк. Алексей Толстой и первая мировая война	84
М. С. Михайлов. Лев Толстой в Турции	99
Б. В. Казанский. Общественно-исторический смысл древнегреческой трагедии	108
И. П. Лупанова. О фольклорных истоках женских образов в «Сказках» А. С. Пушкина	120

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

П. Я. Черных. О начале и характере формирования русского национального языка	130
Г. Н. Поспелов. Теоретическая дилемма современного искусствознания	143

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

✓ Г. Б. Микаэлян. Вопросы синтаксиса в американской «дескриптивной» лингвистике.	156
✓ Е. А. Крашенинникова. Вопросы модальности в некоторых работах структурального направления	166

МАТЕРИАЛЫ И ПУБЛИКАЦИИ

Д. А. Марков. О дате рождения П. И. Мельникова (Андрея Печерского).	177
---	-----

ХРОНИКА

Льюй Го-цзюнь. Новый алфавит китайского языка	179
Научная жизнь	183

Г. В. ПЛЕХАНОВ И ЛИТЕРАТУРНОЕ НАРОДНИЧЕСТВО

П. А. Николаев

Литература о Плеханове крайне невелика. Но это не единственный ее недостаток. Она не только не проясняет сложные теоретические проблемы наследства первого русского марксиста, но подчас запутывает их. Часто Плеханов декларативно определяется как выдающийся марксистский теоретик (правда, иногда всего лишь как пропагандист марксизма), но итогом конкретного рассмотрения его наследия являются либо списки мнимых ошибок Плеханова, либо недоуменные вопросы по поводу его каких-то бесконечных противоречий, что, очевидно, вряд ли должно считаться нормальным результатом исследования трудов марксиста, да еще выдающегося.

Особенно заметны эти недостатки в изучении эстетического и литературно-критического наследства Плеханова. Пожалуй, нет ни одного значительного тезиса Плеханова — теоретика и историка искусства (за исключением большинства его высказываний о происхождении искусства), который нашими исследователями не подвергался сомнению или не отвергался как ошибочный. Мало того, Плеханову отказали даже в способности отстаивать реализм с определенной теоретической позиции, объявив его защиту реалистических произведений по сути дела случайной, обусловленной художественным вкусом Плеханова¹.

Оказался запутанным и вопрос об отношении Плеханова к литературному народничеству, что, конечно, не помогает успешному изучению русской литературы и литературной критики второй половины XIX в.

Две причины мешают разобраться в этом вопросе: с одной стороны, неверная трактовка народничества 70-х годов в целом как идеологического явления, с другой — предвзятое, необъективное отношение к Плеханову, настойчивое стремление отыскивать в положениях марксиста зародыш будущих меньшевистских ошибок.

В настоящей статье нас интересует прежде всего Плеханов и литературное народничество, поэтому о первой причине мы будем говорить здесь лишь в самой общей форме.

Почти во всех новейших работах противопоставляется идеология (в широком смысле слова) революционных демократов и народников 70-х годов. Но при этом указывается прежде всего на различие между некоторыми особенностями философского мышления семидесятников и

¹ См. кн. М. М. Розенталя «Вопросы эстетики Плеханова». М., 1939, стр. 53, 158.

шестидесятников. Например, в «Истории СССР»² говорится о стройности и последовательности философской концепции Чернышевского и философском эклектизме народников. В академической «Истории русской литературы»³ утверждается, что писатель-народник Наумов, несмотря на отрицательное влияние народнической идеологии, в силу глубокого и искреннего демократизма и жизненной правды своих произведений занял почетное место в демократической литературе 70—80-х годов. Здесь народническая идеология выступает как нечто противоположное и даже враждебное демократизму и реализму. Разумеется, с еще большей категоричностью и решительностью противопоставляется народничеству 70-х годов революционный демократизм Щедрина⁴. Но разве идеология народничества в целом не есть демократизм? В. И. Ленин писал: «Народничество есть идеология (система взглядов) крестьянской демократии в России»⁵. Причем, этот демократизм народников 70-х годов Ленин считал революционным: «Вера в особый уклад, в общинный строй русской жизни; отсюда — вера в возможность крестьянской социалистической революции — вот что одушевляло их, поднимало десятки и сотни людей на геройскую борьбу с правительством»⁶. Почему эту революционную «веру» надо исключать из системы взглядов, из идеологии народников 70-х годов — неизвестно.

Многие наши исследователи под идеологией подразумевают отдельные теоретические взгляды, которые еще не составляют идеологии в целом. В итоге получается принижение народничества 70-х годов как широкого идейного течения.

Часто цитируя слова В. И. Ленина о том, что исторические заслуги людей надо оценивать по тому, что они «дали нового сравнительно с своими предшественниками»⁷, исследователи, однако, не учитывают это важнейшее методологическое указание при оценке классического народничества, которое, по словам В. И. Ленина, сделало «шаг вперед»⁸ по сравнению с шестидесятниками, поставив вопрос о капитализме в России. Решение этого вопроса народниками было, как известно, реакционным, но сама постановка его «есть крупная историческая заслуга народничества»⁹.

Получилось так, что в народничестве стали подчас видеть прежде всего утопические идеи, неверную доктрину социализма, игнорируя его «исторически реальное и прогрессивное историческое содержание»¹⁰.

Это, конечно, затруднило объективное исследование серьезной исторической проблемы и не способствовало осуществлению ленинского требования: «...Марксисты должны заботливо выделять из шелухи народнических утопий здоровое и ценное ядро искреннего, решительного, боевого демократизма крестьянских масс»¹¹. Если верить нашим исследо-

² История СССР, т. II. Госполитиздат. М., 1954, стр. 576.

³ История русской литературы, т. IX, ч. I. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 375.

⁴ При этом, конечно, как правило, игнорируется ленинская характеристика Щедрина как писателя «старой» народнической демократии» (В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 32).

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 490.

⁶ Там же, т. 1, стр. 246.

⁷ Там же, т. 2, стр. 166.

⁸ Там же, стр. 483.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, т. 16, стр. 102; т. е. изучается народничество в узком смысле слова.

¹¹ Там же, т. 18, стр. 330.

вателям¹², такого ядра в народничестве нет, и демократизм народнических писателей оказывается идеологическим явлением, связанным не с народничеством, а с якобы параллельно развивающейся в 70-е годы традицией шестидесятников.

Из этой неверной концепции и вытекают ошибки исследователей в истолковании отношения Плеханова к народничеству. При этом забывается, что Ленин высоко оценил плехановский анализ демократического содержания народничества. «В старой марксистской литературе, 80-х годов прошлого века, — писал В. И. Ленин, — можно найти систематически проведенное стремление выделять это ценное демократическое ядро. Когда-нибудь историки изучат систематически это стремление и проследят связь его с тем, что получило название «большевизма» в первое десятилетие XX века»¹³.

Не сделали этого историки.

Не делают этого и историки литературы и критической мысли в отношении взглядов Плеханова на литературное народничество. А оно (конечно, отличаясь от народничества, как социального учения, о чем первым и сказал Плеханов) тоже имело свое, так сказать, демократическое ядро, которое в переводе на литературоведческий язык означает не что иное, как реализм¹⁴.

Этот реализм, в трактовке Плеханова, входит в направление, называемое литературным народничеством, органично, а не как инородная величина, враждебная народничеству как целостному общественному явлению. Эта концепция и вызвала много суровых осуждающих слов литературоведов в адрес плехановских статей о писателях-народниках. Да не только эта концепция!

Повторяем, работы о Плеханове как историке и критике литературы — перечень «ошибок» Плеханова. Это характерно и для общих статей о Плеханове-литературоведе (см., например, главу в X томе академической «Истории русской литературы») и для специальной работы об отношении Плеханова к Г. Успенскому (статья Н. И. Соколова «Творчество Глеба Успенского в оценке Г. В. Плеханова»¹⁵).

Статья Н. И. Соколова является новейшим и единственным специальным исследованием проблемы: Г. В. Плеханов и народническая литература. В этом исследовании Плеханов как автор статьи о Г. Успенском (той статьи, которую, как известно, русские и западноевропейские социал-демократы оценивали в 90-е годы как выдающееся марксистское произведение) представлен буржуазным теоретиком искусства. В статье Н. Соколова мы, например, встречаем утверждения о том, что Плеханов судит о Г. Успенском, исходя из канонов традиционной, буржуазно-дворянской идеалистической эстетики, согласно которой произведение должно быть чуждо каких-либо «внешних» целей, «кроме чисто художественных»¹⁶. Причем, по мнению Н. Соколова, «этот взгляд Плеханова не был случайностью, а вытекал из системы его эстетиче-

¹² Из литературоведов исключение составляет Б. Мейлах. См. его кн. «Ленин и проблемы русской литературы конца XIX — начала XX века». М.—Л., 1951, стр. 75.

¹³ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 330.

¹⁴ Б. Мейлах в указанной работе правильно пишет о том, что к оценке В. И. Лениным творчества Г. Успенского можно отнести ленинские слова о необходимости выделять из народнических утопий демократическое ядро, — стр. 75. К сожалению, относительно плехановских суждений о литературном народничестве Б. Мейлах придерживается общей скептической точки зрения. См. стр. 48—49.

¹⁵ Уч. зап. ЛГУ, 1954, № 173, вып. 20.

¹⁶ Н. И. Соколов. Указ. соч., стр. 274.

ских воззрений»¹⁷; с другой стороны, у Плеханова будто бы и нет никакой «системы» взглядов, ибо его рассуждения об Успенском — сплошные противоречия.

Противоречия и ошибки — вот что прежде всего видит Н. Соколов в статье Плеханова. Особенно ошибки. Плеханов якобы не заметил «глубокой реалистической основы»¹⁸ произведений Успенского, не понял всего идейного и художественного новаторства писателя, он будто бы считал, что только «великие личности», «герои» могут быть предметом изображения высокоэстетических произведений¹⁹. Н. Соколов упрекает Плеханова за то, что тот не раскрыл близости Успенского к революционно-демократической идеологии и связал его мировоззрение и творчество лишь (!?) с народническим движением.

Каково же истинное содержание работ Плеханова о народнической литературе и, прежде всего, содержание трех его широко известных статей: «Г. И. Успенский», «С. Каронин», «Н. И. Наумов»?

Заранее скажем, что оно позволяет говорить прежде всего не об отличии взглядов Г. В. Плеханова от суждений В. И. Ленина (как это следует из всех новейших исследований), а об их сходстве или близости (нельзя, конечно, упускать из виду и различие).

Плеханов начал анализ народнической литературы с характеристики разночинства. Широко известно единодушное мнение историков о том, что Плеханов не понял разночинства как исторического явления. Однако и это мнение нуждается кое в каких коррективах. Во-первых, Г. В. Плеханов связывает численное увеличение и активизацию разночинцев с падением крепостного права²⁰, что совпадает с точкой зрения В. И. Ленина. Во-вторых, этой активизацией Г. В. Плеханов объясняет создание целого направления в литературе — народнического, и отнюдь не только беллетристического, а такого, которое выражает идейное представление разночинца о народе (стр. 505). И это напоминает слова В. И. Ленина: «Господствующим направлением, соответствующим точке зрения разночинца, стало народничество»²¹.

Плеханов не смог, в отличие от В. И. Ленина, четко определить социальные основы мировоззрения разночинца, но он понимал, что характер деятельности разночинцев «должен определяться характером и складом народной жизни» (стр. 504).

Понимал это, по мнению Г. В. Плеханова, и сам разночинец, сосредоточивший свое внимание на изучении мироздания, потребностей, положения народа и так увлеченно занимавшийся этим, что общественные интересы и вопросы у него вытеснили на второй план иные вопросы — например, «художественные», эстетические. Разночинец 70-х годов освободился от присущей некоторым шестидесятникам односторонности в оценке Пушкина, он гордился и Лермонтовым и Тургеневым, но с восторгом прочитав «Анну Каренину», он с большим вниманием изучал социологические труды Сен-Симона, Луи Блана, Томаса Мора и Кампанеллы, хотя так и не смог получить настоящее философское развитие, чем и объясняются, по словам Плеханова, «многие тяжкие теоретические грехи разночинца» (стр. 507). Каков разночинец вообще, говорит Плеханов, таков и разночинец-писатель.

¹⁷ Н. И. Соколов. Указ. соч., стр. 274—275.

¹⁸ Там же, стр. 278.

¹⁹ Там же, стр. 280.

²⁰ Г. В. Плеханов. Искусство и литература. М., 1948, стр. 504. В дальнейших страницах из этого издания будут указываться в тексте статьи.

²¹ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 224.

Разночинной (или народнической) беллетристике присущ поэтому публицистический аспект освещения проблематики, что давало возможность, скажем, Г. Успенскому, создавать образы, сопровождаая их «своими толкованиями» (стр. 508). Вызванную этим известную художественную слабость всех народнических беллетристов и даже лучшего из них — Г. Успенского — Г. В. Плеханов объясняет так: «Она явилась именно в силу преобладания у народников-писателей общественных интересов над литературными» (стр. 508). Из этих слов Н. Соколов сделал вывод, что Г. В. Плеханов, выдвинув неверное теоретическое положение, руководствуясь дворянско-буржуазным эстетическим вкусом, не понял специфики творчества Успенского и унизил всю демократическую литературу.

Однако оснований для подобных упреков нет. Плехановская фраза о «преобладании» была вырвана из контекста. Во-первых, в статье о Г. Успенском, откуда взята данная фраза, речь идет не о всяких общественных вопросах, решение которых якобы «мешает» художнику, а о тех, которые ставятся и решаются неверно, в соответствии с ложными народническими теориями (стр. 550). Во-вторых, вслед за фразой о «преобладании» Г. В. Плеханов раскрывает свое понимание особенностей истинно художественного выражения общественных вопросов в творчестве писателя: «С чисто литературной, художественной точки зрения данный рассказ или очерк много выиграл бы от более объективного отношения автора к предмету» (стр. 508).

Необходимо снять упрек Г. В. Плеханову в эстетизме. Ведь именно Г. В. Плеханов в статье об Успенском говорит, что борьба чисто эстетической критики против народнической беллетристики обречена на провал и методами этой критики вообще нельзя пользоваться в данном случае, ибо невозможно увести писателей-народников от общественных вопросов, когда передовые слои России ставят эти вопросы. «Как бы ни распинаясь господ эстетические критики,— пишет Г. В. Плеханов,— интерес к общественным вопросам необходимо будет отражаться и в беллетристике» (стр. 510). Плеханов заявляет, что при оценке творчества народников нужно говорить прежде всего не о художественных слабостях (конечно, не закрывая на них глаза), а о том, насколько верны взгляды этих писателей на русскую жизнь и не зависят ли главные художественные недостатки от узости и ошибочности этих взглядов. «Очень может быть, что, сведя спор на эту почву, критике удалось бы указать другую, более правильную точку зрения, которая, не устраняя из беллетристики жгучих вопросов современности, повела бы вместе с тем к устранению многих из недостатков, свойственных ей теперь» (стр. 510—511). Основной пафос статьи Плеханова об Успенском и состоит в утверждении этой правильной, марксистской точки зрения.

Добавим к этому, что Плеханов выступал не против вообще тенденциозности и субъективного начала в произведении, а против субъективности, которая, так сказать, переходит границу, разделяющую художественность и публицистичность. Его замечания в адрес народнической беллетристики в этом отношении напоминают известное положение Энгельса о тенденциозности и объективности в искусстве (в письме к Минне Каутской).

Правильность этих замечаний несомненна — вспомним рассуждения Успенского об Иване Босых (в очерках «Власть земли»), диалоги в очерках Наумова с прямолинейными самохарактеристиками героев.

Не следует, однако, думать, что Плеханов, сопоставляя Успенского и Тургенева (в связи с трактовкой субъективного и объективного начал

в искусстве), отдал полное предпочтение Тургеневу и тем самым унизил Успенского. Сопоставление делалось только «с чисто литературной, художественной точки зрения» (стр. 508), понимаемой в узком смысле слова (в смысле композиции образов и психологической очерченности характеров). В широком смысле Успенский, в трактовке Плеханова, не менее объективен, чем Тургенев: собственно говоря, творчество Успенского являет собой замечательный пример победы объективного начала (жизненной правды) над субъективными народническими теориями писателя — таков основной вывод, сделанный Плехановым в его статье об Успенском.

Противопоставляя Г. Успенского Тургеневу и другим художникам-психологам, Г. В. Плеханов неправ скорее в характеристике последних, когда пишет о том, что народническая беллетристика «ищет не человека вообще, с его страстями и душевными движениями, а представителя известного общественного класса, носителя известных общественных идеалов» (стр. 508).

Г. В. Плеханов, вопреки мнению современных исследователей, верно понимает своеобразие творчества писателей-народников. «Есть художники-психологи,— пишет он.— С известными оговорками, народников-беллетристов можно бы, пожалуй, назвать художниками-социологами» (стр. 509). Г. В. Плеханов не отрицает крупного художественного дарования Успенского и других писателей-народников, в чьих произведениях художник подчас берет верх над публицистом и «даже окончательно вытесняет его» (стр. 508). У самого слабого из них — Наумова — есть сцены, написанные «прямо мастерски» (стр. 596), а у Г. Успенского встречаются сцены и даже целые главы, которые делают «честь самому первоклассному художнику» (стр. 509); образ Михаила Ивановича в очерках «Разорение» иногда выглядит, по словам Плеханова, «симпатичным и живым лицом» (стр. 509). Но, как уже было замечено, Г. В. Плеханов считает, что народническая литература все же не дает таких «резко очерченных, художественно обработанных характеров» (стр. 508); как в «Герое нашего времени» или в тургеневских романах. Объясняется это не столько слабостью мастерства, сколько тем, что писатели-народники стремятся прежде всего установить в герое черты не сугубо индивидуальные, психологические, а общие с тем классом, к которому он принадлежит. «Не душевные движения личностей, а привычки, взгляды и, главное, общественный быт массы» (стр. 508) — вот что, по мнению Г. В. Плеханова, рисует нам народническая литература. С самыми незначительными оговорками (помня о таких личностях, как Иван Ермолаевич у Г. Успенского и Михаил Лукин у Каронина, что, впрочем, учитывал и сам Г. В. Плеханов) мы можем принять плехановскую трактовку. Она приближает нас к истинному пониманию специфики литературы семидесятников.

Вся наша исследовательская литература упрекает Г. В. Плеханова за эту трактовку, как будто самое существенное в народнической литературе есть то, что объединяет ее с творчеством Тургенева и Толстого, — глубокое раскрытие психологии личности.

На иных путях искал Г. В. Плеханов сходство народнической беллетристики с передовыми традициями русской литературы. Конкретно эту проблему он не исследовал²², но дал ее общую характеристику, которая полна глубокого смысла и дает толчок к самому плодотворному и конкретному исследованию: «Враг всяких прикрас и искусственности,

²² В этом отношении упрек Н. Соколова справедлив. См. указ. соч., стр. 275.

разночинец должен был создать, и действительно создал, глубоко правдивое литературное направление. В этом случае он остался верен лучшим преданиям русской литературы» (стр. 509). Здесь Г. В. Плеханов переключается с Чернышевским, увидевшим в свое время в «правде без прикрас» Н. Успенского начало существенных «перемен» в русской общественной жизни и литературе.

Мы подошли к самому существенному в концепции Плеханова — к вопросу о реалистических основах народнической литературы. Решение этого вопроса Плехановым имеет широкое теоретическое значение.

Оценивая народничество как течение, враждебное демократизму и реализму, Н. Соколов не мог не свести анализ плехановской концепции к постановке недоуменных вопросов: почему Плеханов не вывел сильные стороны творчества семидесятников, их реализм за пределы народничества как идейного и литературного направления, почему связал их с народническим движением? Ведь народничество может породить якобы только слабые стороны художественного творчества, сильные же могли быть связаны лишь с традицией шестидесятников, которая существовала в 70-х годах параллельно народничеству и которую народничество воспринять, якобы, не могло в силу своей идеологической реакционности. А поскольку Плеханов последователен в утверждении своей концепции органической связи реализма с народничеством, Н. Соколов приписывает Г. В. Плеханову еще один грех, уже собственно эстетического и теоретико-литературного свойства. Как мог, дескать, Г. В. Плеханов, связав творчество Г. Успенского и ему подобных с народническим движением, заявить, что они своим творчеством произнесли «приговор народничеству»?²³ Ведь такое утверждение предусматривает стихийное, независимое от сознания автора реалистическое изображение жизни. Так Г. В. Плеханов оказался идеалистом в понимании процесса художественного творчества.

Однако и эта очередная попытка развенчать Г. В. Плеханова оказывается несостоятельной.

Статьи Г. В. Плеханова о писателях-народниках продолжают борьбу против ошибочных народнических идей, которую выдающийся марксист блестяще вел в 80-е годы такими работами, как «Наши разногласия», «Социализм и политическая борьба». Пафос этой борьбы звучит почти на каждой странице статей о Г. Успенском, Каронине и Наумове. Это бесспорно.

Однако бесспорно и то, что в представлении Г. В. Плеханова не все взгляды народников были ошибочными. По мнению Плеханова, в этих взглядах было и то, что позволило ему говорить о народничестве как передовом общественном течении в определенный исторический период.

Такая объективная точка зрения на народничество в целом (вполне совпадающая с приведенными в начале настоящей статьи высказываниями В. И. Ленина) и объясняет плехановскую трактовку творчества писателей-народников. Их реализм отнюдь не казался Г. В. Плеханову стихийным, возникшим независимо от их взглядов; он имеет, по концепции Плеханова, мировоззренческую основу в положительных сторонах народнической, разночинной идеологии («демократическое ядро»).

Поэтому Г. В. Плеханов и противопоставил русский реализм семидесятников французскому натурализму, который, по словам Плеханова, «служит литературным выражением нравственной и умственной пустоты

²³ Н. Соколов. Указ. соч., стр. 276.

современной французской буржуазии» (стр. 509). «Русское же литературное народничество, — пишет Плеханов, — выражает взгляды и стремления того общественного слоя, который в течение трех десятилетий (это пишется в 1889 г. — П. Н.) был самым передовым слоем России. В этом заключается главная историческая заслуга названного направления» (стр. 510).

Г. В. Плеханов отмечает, что народническая беллетристика «реалистична не на современный французский лад», что ее реализм «проникнут мыслью» (стр. 509). Уже эти слова заставляют сомневаться в правоте тех, кто упрекает Г. В. Плеханова в недооценке реалистической основы творчества семидесятников и в идеалистическом понимании творчества реалистов.

Рассмотрение замечаний Плеханова о каждом из трех писателей, избранных им для анализа, еще больше убеждают в несостоятельности этих упреков, так как в конкретном анализе Г. В. Плеханов верен своей общей теоретической и историко-литературной концепции, что особенно ярко проявляется в статье о Г. Успенском²⁴.

Г. В. Плеханов приходит к выводу о главном противоречии Г. Успенского — между реалистическим изображением крестьянской жизни и народническими иллюзиями писателя. Однако это не противоречие между творчеством и мировоззрением — от такой наивной и поистине идеалистической точки зрения Г. В. Плеханов далек: он вскрывает противоречия в самом мировоззрении Успенского. Не сводя мировоззрение к одним лишь народническим иллюзиям, Г. В. Плеханов подчеркивает обусловленность сильных сторон художественного творчества писателя сильными сторонами его миропонимания. Г. Успенскому кажется, пишет Плеханов, что крестьянский быт, идеализированный прежде народниками, разлагается от вторжения новой силы — денег — и что «кулачество представляет собою продукт внутренних отношений общины, а не внешних только воздействий на нее» (стр. 512). Оставаясь народником, Г. Успенский старался утверждать «новый взгляд» на вещи, т. е. сознание «всей выгоды общинного, коллективного труда на общую пользу» (стр. 513), в то же время он сомневался в эффективности и даже в целесообразности такой пропаганды.

Плеханов отмечает, что Успенский достиг «значительного успеха», объясняя происхождение народных бытовых форм условиями земледельческого труда (стр. 513). Вместе с тем, по мнению Г. В. Плеханова, Успенский не понял, что «степень развития производительных сил определяются как взаимные отношения людей в производстве, так и все их общественные отношения» (стр. 517).

Как видим, Плеханов все время говорит именно о противоречиях в мировоззрении Успенского. Особенно показательны в этом отношении следующие слова: «Г. Успенский не попал бы в такие противоречия, если бы, придя к мысли о зависимости всего склада крестьянской жизни от условий земледельческого труда, он постарался бы выяснить самое понятие об этих условиях» (стр. 520).

Это суждение Г. В. Плеханова почти совпадает с имеющей чрезвычайно широкое методологическое значение характеристикой, которую дал В. И. Ленин взглядам народнических писателей-публицистов. Говоря об отношении народнических теоретиков «Отечественных записок»

²⁴ Плеханов действительно связал творчество Г. Успенского лишь с народничеством. Три периода творчества этого писателя обусловлены, по Плеханову, изменением народничества в его «некоторых существенных чертах», (стр. 511).

к антагонистическим, буржуазным свойствам пореформенных порядков в России, В. И. Ленин отмечал, что народники «хотя и не умели понять этой антагонистичности, но сознавали ее и хотели бороться против самой организации общества, порождавшей антагонистичность»²⁵ (разрядка наша.— П. Н.).

Сознавали, но не понимали. В этом диалектическом определении системы взглядов — единственно надежный ключ к правильному уяснению всякого противоречивого мировоззрения; здесь же — и решение проблемы соотношения мировоззрения и творчества писателей прошлого столетия. Несомненно, что осознание проявлялось в реалистическом воспроизведении жизни, а понимание, как правило, — в ошибочных, слабых теориях.

Г. В. Плеханов решает эту проблему так же, как В. И. Ленин: Успенский осознал (ср. «придя к мысли».— П. Н.) силу воздействия условий земледельческого труда на весь склад народной жизни, но не понял сущности этих условий (не выяснил «самое понятие» о них)²⁶.

Г. В. Плеханов не просто констатировал это противоречие у Г. Успенского — он подчеркнул действенный характер сильных сторон мирозерцания писателя, отметив, что хотя писатель вместе со своим любимым героем Иваном Ермолаевичем внутренне сопротивляется новым порядкам, идеализируя «земледельческий труд», однако соглашается с Иваном Ермолаевичем, когда тот, уступая этим порядкам, отдает, например, своего сына в ученье (хотя автор, как и его герой, не понимает истинной целесообразности этого обучения — стр. 531; т. е. и здесь — осознает, но не понимает). К выводам о несостоятельности основных теоретических доктрин народничества (часть из которых разделялась и самим Успенским) привела не художественная интуиция, а активная аналитическая мысль писателя. «Пытливая мысль этого замечательного человека разлагала одно за другим все главные положения народничества и подготавливала почву для совершенно иных взглядов на нашу народную жизнь» (стр. 601).

Г. В. Плеханов считает, что сильные моменты воззрений Г. Успенского отчетливее выразились в художественном творчестве, а слабые — в теоретических суждениях, в публицистической стороне произведений. Н. Соколов упрекает Г. В. Плеханова за «надуманное, механистическое» противопоставление художника теоретику²⁷. На самом же деле Г. В. Плеханов в данном случае обнаружил понимание специфики двух форм общественного сознания писателя.

В художественном реалистическом творчестве писателя, конечно, прежде всего отражены те взгляды, которые определяются знанием конкретных явлений жизни, что и составляет сильную сторону мировоззрения писателя. В теоретических построениях больше отвлеченного, далекого от конкретного знания действительности, поэтому в них прежде всего и сказывается слабость мировоззренческой позиции (речь идет, разумеется, о писателях, не овладевших истинно научной теорией).

Это и имел в виду Г. В. Плеханов, говоря о Г. Успенском — теоретике и художнике. Здесь снова проявляется сходство плехановской методологии с ленинской. Характеризуя деятельность Энгельгардта,

²⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 265.

²⁶ Совершенно очевидно, что в слово «понимали» В. И. Ленин вкладывает истинно научное содержание, имея в виду марксистское понимание. То же можно сказать о Плеханове. Он пишет: «Исторические идеи Маркса внесли бы много «строинности» в мирозерцание Гл. Успенского» (стр. 521).

²⁷ Н. Соколов. Указ. соч., стр. 276.

В. И. Ленин сопоставляет его народнические теории и его же зарисовки в «живых, образных»²⁸ очерках-письмах. «Народничество Энгельгардта, — писал В. И. Ленин, — будучи выражено чрезвычайно слабо и робко, находится поэтому в прямом и вопиющем противоречии с той картиной действительности деревни, которую он нарисовал с такой талантливостью, и если бы какой-нибудь экономист или публицист взял за основание своих суждений о деревне те *данные* и *наблюдения*, которые приведены Энгельгардтом, то народнические выводы из такого материала были бы невозможны»²⁹.

Г. В. Плеханов также видит причину победы Успенского над народническими теориями («подписал смертный приговор» — стр. 532) в способности писателя создавать правдивые картины деревенской жизни, легко разрушающие народнические иллюзии. Объективный смысл этих картин столь значителен, что марксист Г. В. Плеханов постоянно обращается к ним в своей полемике с народническими теоретиками. Более того, в статье «К психологии рабочего движения» он пишет: «У художника Горького, у покойного художника Г. И. Успенского может многому научиться самый ученый социолог. В них — целое откровение» (стр. 755).

Логика реалистического изображения действительности, по убеждению Г. В. Плеханова, ведет к самым научным, социал-демократическим выводам, хотя сами писатели-народники и не понимают этих выводов.

Упреки Г. В. Плеханову в защите теории стихийного, бессознательного творчества писателей-реалистов опровергаются и самым общим анализом суждений Плеханова о специфическом для всех народников и, в частности, для Успенского изображении «сплошного», «массы». Г. В. Плеханов говорит в данном случае не о стихийно проявившейся особенности творчества Г. Успенского, а о сознательной установке писателя. Он приводит слова Г. Успенского о том, что «отделить из этой миллионной массы единицу, положить хоть нашего старосту Семена Никитича, и попробовать понять его — дело невозможное» и что «Семена Никитича можно понимать только в куче других Семенов Никитичей» (стр. 524). Г. В. Плеханов заявляет, что Успенский вследствие такого взгляда на народ не мог не рисовать «сплошное»³⁰.

Прослеживая то, как в творчестве Г. Успенского воплотились подобные воззрения писателя, Плеханов тем самым констатирует связь одной из теорий писателя с его художественной практикой. Отрицать эту связь — значит признать стихийность творчества, полное противоречие субъективных и объективных начал в нем. Поэтому, как ни парадоксально, не плехановская мысль, а интерпретация ее некоторыми нынешними исследователями объективно означает признание стихийности творчества Г. Успенского, его независимости от взглядов писателя. Упреки надо переадресовать³¹.

²⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 474.

²⁹ Там же, стр. 475. Плеханов тоже заметил в «Письмах из деревни» Энгельгардта преодоление народнических теорий — стр. 529.

³⁰ Как уже указывалось, Н. Соколов в этом случае приписывает Г. В. Плеханову своего рода эстетический культ «личности» (указ. соч., стр. 280). Почему же наш автор не приписал такого культа Успенскому? Ведь Успенский даже категоричнее, чем Плеханов, говорил о «сплошном» народе, а Плеханов отметил «неточности» Успенского: «в России нет «однородного стомиллионного племени» (стр. 525).

³¹ Наши исследователи, критикуя Плеханова за концепцию «сплошной» массы, так сказать, обижаются за русского крестьянина той поры. Но вот Чернышевский не обижался на Н. Успенского за его нивелировку личностей крестьян. Щедрин в своих

В соответствии со своим решением проблемы мировоззрения и творчества Г. Успенского Г. В. Плеханов пишет: «Народничество как литературное течение, стремящееся к исследованию и правильному истолкованию народной жизни,—совсем не то, что народничество как социальное учение, указывающее путь «ко всеобщему благополучию» (стр. 532). Естественно, одно противоречит другому. Но естественно также, что всякий писатель, тесно связав себя с народничеством как литературным течением и одновременно приняв многие положения народничества как социального учения, не может не оказаться в мучительном противоречии. Так и случилось со многими беллетристами 70-х годов. Таков вывод, вытекающий из суждения Г. В. Плеханова.

Прочитируем еще одно столь же многозначительное в этом плане место: «Народничество как литературное направление, естественно, возникло из стремления нашего образованного разночинца выяснить себе весь склад народной жизни. Народничество как общественное учение было ответом на вопрос: что может разночинец сделать для народа? Но при неразвитости русских общественных отношений и при плохом знакомстве разночинца с западным рабочим движением этот ответ не мог быть правильным. Дальнейшее знакомство с нашей народной жизнью с поразительной ясностью обнаружило всю его несостоятельность (разрядка наша.— П. Н.). Оно же показывает, в каком направлении нужно искать правильного ответа» (стр. 551).

Подытоживая свои наблюдения над творчеством писателей-народников, Г. В. Плеханов определил историческое место и значение литературного народничества и наметил (правда, в самой общей форме) перспективы плодотворного, с его точки зрения, развития русской литературы. Отметив, что лучшие беллетристы-народники изобразили лишь отрицательные стороны процесса рождения капитализма, Г. В. Плеханов пишет, что с исчезновением народнических предрассудков у нас явятся писатели, сознательно стремящиеся к изучению и художественному воспроизведению положительных сторон этого процесса: «Это будет большим шагом в развитии нашей художественной литературы. И чтобы сделать такой шаг, художникам не нужно заглушать в себе то сочувствие к народной массе, которое составляло самую сильную и самую симпатичную сторону народничества. Совсем нет. Характер сочувствия, конечно, будет уже не тот. Но от перемены он только усилится» (стр. 614).

Несомненно, что здесь Г. В. Плеханов выступает провозвестником пролетарского этапа в истории русской литературы, возможного в случае глубокого осознания писателями исторического значения пролетариата. Недаром впоследствии он высоко оценил в специальной статье одно из первых выдающихся произведений горьковского, социалистического, реализма — пьесу «Враги» — за глубокое раскрытие в ней психологии рабочего движения (хотя, оказавшись в этот период меньшеви-

«Сказках» писал о народе, который одинаково «плакал и верил, вздыхал и верил». Л. Толстой даже в тот период, когда он оказался на позициях патриархального крестьянства, не дал четко индивидуализированных образов крестьян. Чернышевский, правда, писал о «рельефном» изображении Л. Толстым крестьян в «Утре помещика». Но там у Л. Толстого дифференциация осуществлялась скорее в плане психологическом. Но как личности, по-разному решающие общественные проблемы, толстовские крестьяне дифференцированы слабее. А ведь Г. Успенский решает общественные вопросы, и крестьяне его интересуют в плане их общественных позиций, где они, по его мнению, слишком одинаковы. С этим и соглашается Плеханов.

ком, Г. В. Плеханов и высказался критически по поводу симпатий Горького к большевистской тактике).

Примечательно, что в этой статье Г. В. Плеханов перекинул мостик от реализма Г. Успенского к реализму Горького. Это ли не является высшей оценкой народнической литературы?

Статьи Г. В. Плеханова о писателях-народниках, написанные в 80-е годы, — самая первая страница истории русской марксистской литературной критики.

Эти первые страницы заслуживают более внимательного и бережного отношения к ним, чем это, к сожалению, наблюдается до последнего времени в нашей исследовательской и популярной литературе.

Рекомендована кафедрой
русской классической литературы
Московского государственного
университета

Представлена 24 мая
1958 г.